

УДК 801.55

**БЕСЕДИНА Наталья Анатольевна**, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Тамбовского государственного университета. Автор 45 научных публикаций, в т. ч. двух учебных пособий



### **МОРФОЛОГИЯ КАК СПОСОБ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ**

*Концептуальное содержание, ментальные структуры, морфологическая репрезентация, морфологически передаваемые концепты, морфологические категории*

Когнитивное виденье языка с необходимостью приводит к серьезным изменениям в понимании не только семантики языковых единиц, но и самих языковых уровней, в том числе и морфологии.

Известно, что в когнитивной лингвистике отрицается автономность основных языковых уровней и утверждается, что «лексика, морфология и синтаксис образуют континуум символических (знаковых) структур, дифференцируемых по разным параметрам и включаемых в разные компоненты языка лишь условно»<sup>1</sup>. Представляется, однако, что имеет смысл говорить о взаимодействии образующих континуум компонентов и роли каждого из них в этом континууме.

На наш взгляд, в рамках когнитивного подхода наименее исследованной остается морфологическая составляющая, что позволяет поставить вопрос о необходимости особого рассмотрения места морфологии в языковом континууме для того, чтобы опреде-

лить ее роль в отображении, объективировании и классификации знаний о мире, в репрезентации ментальных структур различного рода. Иначе говоря, возникает необходимость выяснить, как морфология задействована в мыслительной деятельности человека, в обработке получаемой по различным каналам информации, ее хранении и использовании и как она взаимодействует с другими компонентами языковой системы при выполнении этих функций.

Справедливости ради отметим, что на протяжении всей истории развития грамматической мысли вопрос о роли и месте морфологии в системе языка оставался ключевым и волновал представителей различных научных парадигм. Морфология признавалась равноправной частью грамматики наряду с синтаксисом, относилась к лексикону, рассматривалась как часть синтаксического компонента или «растворялась» частично в лексиконе, частично в синтаксисе.

Определенная зависимость морфологии от синтаксиса была сформулирована еще Ф. де Соссюром и нашла развитие в трудах В. Матезиуса и других представителей Пражского лингвистического кружка. «С лингвистической точки зрения, – писал Ф. де Соссюр, – у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения; она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины»<sup>2</sup>. Более того, Ф. де Соссюру принадлежит мысль о взаимопроникновении морфологии, синтаксиса и лексикологии, что объясняется «по существу тождественным характером всех синхронических фактов, и следовательно, – заключает Ф. де Соссюр, – между ними (морфологией, синтаксисом, лексикологией. – Н.Б.) не может быть никаких заранее начертанных граней»<sup>3</sup>.

Развивая это положение, В. Матезиус отмечает, что «члены одной и той же морфологической системы могут быть функционально включены как в оноματοлогию, так и в синтаксис»<sup>4</sup>. Неоднозначность отношений между морфологией и синтаксисом отмечается и В. Скаличкой, который считает, что морфология и синтаксис не отделены друг от друга герметически и что некоторые черты синтаксиса проникают в морфологию, и наоборот<sup>5</sup>. Это приводит к тому, что синтаксический и морфологический компоненты с точки зрения их включения в функциональную структуру языка оказываются тесно связанными между собой структурами выражения. Иными словами, прагматики считают возможным говорить о сложном компоненте морфосинтаксиса, представляющем собой структуру знаковых отношений тройного рода: синтаксического, морфологического, комплексного. Во многом аналогичная позиция обнаруживается в морфологической теории П. Мэтью, который выделяет в особую группу морфосинтаксические категории. К ним он относит время, лицо и число<sup>6</sup>.

На сложный характер отношений между морфологией и синтаксисом обращают внимание в рамках традиционной грамматики и отечественные лингвисты. С.Д. Кацнельсон, отмечая тесное взаимодействие морфологии и синтаксиса, выделяет те аспекты, которые обеспечивают их объединение в рамках грамматики. Он исходит из того, что в целом грамматика есть инструментарий типовых и закономерных правил, существующий в обеих областях, но в каждой проявляющий разные свои стороны. Если морфология – это «совокупность данных в языке средств оформления синтаксического содержания» или, иными словами, «типичное в плане выражения тех или иных синтаксических категорий», то синтаксис – это «типичное в плане грамматического содержания, т.е. того набора категорий и функций, который необходим для превращения знаменательных слов в высказывания данного языка, в связный текст»<sup>7</sup>.

В трактовке проблемы взаимоотношения синтаксиса и морфологии Б.А. Серебренников исходит из того, что «морфология служит синтаксису»<sup>8</sup>, подчеркивая одновременно, что такое утверждение упрощает представление о реальных отношениях в языке. Как считает Б.А. Серебренников, морфологическая форма, будучи носителем отвлеченных значений, в возможностях своего функционирования оказывается ограниченной этими значениями и сама диктует синтаксису тот или иной выбор морфологических средств<sup>9</sup>. Б.А. Серебренников, вслед за авторами «Русской грамматики-80», приходит к выводу, что «морфологические формы, их значения в определенный момент существования языка взаимодействуют с синтаксическими конструкциями, с правилами их построения не как сфера подчиненная со сферой подчиняющей, а как сфера, располагающая арсеналом собственных средств, со сферой, без этого арсенала практически не существующей»<sup>10</sup>.

Таким образом, в рамках традиционной парадигмы лингвистического анализа в основном констатировалось взаимодействие морфологии и синтаксиса, описывались его результаты (например, морфосинтаксические категории) и в меньшей мере изучались механизмы и принципы их взаимодействия, как в системе языка, так и в процессе языковой репрезентации концептуального содержания.

В несколько ином плане, с позиции синтеза современных лингвистических концепций, пытается рассмотреть проблему В.Б. Касевич. В качестве основополагающего он выдвигает тезис о том, что «семантика обуславливает синтаксис, синтаксис морфологию и т.д.»<sup>11</sup>. Для объяснения закономерностей взаимоотношенности семантики, синтаксиса и морфологии он прибегает к понятию фрейма в том понимании, в котором его использует М. Минский.

Для морфологического компонента языковой системы В.Б. Касевичем выделяются фреймы двух видов: семантически и синтаксически ориентированные. Семантически ориентированные фреймы, в его понимании, представляют собой морфемные или лексемные структуры, призванные непосредственно передавать такие элементы семантического представления высказывания, как число, время и т.п. Здесь морфология непосредственно обслуживает грамматическую семантику, выступает средством выражения абстрактных значений, характеризующих ту или иную ситуацию.

Синтаксически ориентированные фреймы в составе морфологического компонента представляют собой морфемные или лексемные структуры, предназначенные для указания на возможную функцию лексемы в составе синтаксических конструкций. Использование таких структур присуще языкам в разной степени, в то время как семантически

ориентированные фреймы представлены в морфологическом компоненте любого языка<sup>12</sup>.

Попытка показать сущность взаимодействия морфологии и синтаксиса была предпринята в рамках функционального подхода. В теории функциональной морфологии, разработанной Н.А. Слюсаревой, морфология представлена как вторичная область языковых характеристик по отношению к многоаспектному синтаксису. Соответственно, морфологические категории ориентируются на один из аспектов синтаксиса (всего автором их выделяется четыре) и благодаря синтаксису оказываются материальной опорой базовых функций языка<sup>13</sup>. Такая трактовка морфологических категорий позволила Н.А. Слюсаревой в рамках функционального анализа не только глубже проникнуть в суть рассматриваемых категорий, но и сформулировать идею о когнитивности морфологии. Как отмечает автор, «морфология когнитивна, хотя на первый взгляд выступает в виде техники для синтаксиса»<sup>14</sup>.

Идея «морфологии как техники взаимодействия семантики и синтаксиса» изначально была сформулирована Ю.С. Степановым в семиологической грамматике. Она основывается на следующих принципиально важных положениях о том, что:

- определению морфологической категории предшествует определение семантико-синтаксической сферы, применительно к которой можно говорить о данной категории;

- морфологические категории подчиняются некоторым общим семиологическим принципам, источником которых являются семантика и синтаксис в их взаимоотношениях;

- изменение морфологических категорий связано с перераспределением «длинного семантического компонента» (общего семантического компонента), а их развитие заключается в развитии самого этого компонента в целом<sup>15</sup>.

Иными словами, морфологические категории оказываются взаимообусловленными взаимоотношениями семантики и синтаксиса.

Положения, разработанные в семиологической и функциональной грамматике, создают предпосылки для дальнейшего исследования проблем морфологии с позиций когнитивного подхода. На наш взгляд, сама идея морфологии как техники оказывается существенной при изучении роли морфологии в языковой репрезентации ментальных структур, т.е. для обоснования теории морфологической репрезентации. Данная статья направлена на освещение некоторых ее аспектов.

Морфологические категории, как известно, являются средством объективации и репрезентации категориальных значений концептуального уровня. Категориальные значения, как отмечает Б.А. Серебренников, составляют часть «жестко заданной рамки», т.е. стабильного компонента картины мира. Именно этим категориальным значениям принадлежит важная роль в установлении обратных связей между языком и планом концептуального. А основополагающие стабильные значения (элементы смысла) кодируются с помощью грамматических (морфологических. – *Н.Б.*) показателей<sup>16</sup>.

Морфологическая репрезентация, таким образом, подразумевает языковое представление категориальной части концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм. Последние обеспечивают структурную рамку для концептуального материала, выраженного лексически, и являются тем фактором, который определяет концептуальную структуру в языке, как одной из когнитивных систем<sup>17</sup>. Морфологические категории вследствие этого носят «глобальный, максимально абстрагированный характер и ориентированы в большей степени на уточнение и коррекцию в синтаксисе»<sup>18</sup>. Поэтому, по

мнению Н.Н. Болдырева, большая часть категориальных значений выражается функционально, а в установлении статуса морфологических единиц возрастает роль синтаксических параметров<sup>19</sup>. Все сказанное еще раз подтверждает взаимодействие морфологии, синтаксиса и лексики (в ее семантическом аспекте) в рамках языкового континуума.

Представление категориальной части концептуальной картины мира определяется спецификой того или иного языка и происходит в виде морфологически передаваемых концептов, которые являются результатом «обобщения информации о языковых объектах, их свойствах и употреблении, а также о том, как связи и отношения между языковыми объектами отражают отношения между реалиями окружающего мира»<sup>20</sup>. Морфологически передаваемые концепты составляют часть собственно языковых знаний и репрезентируются в морфологических категориях и формах. Они относятся к стабильной части концептуальной системы и тесно связаны с основными онтологическими категориями.

Морфологически передаваемые концепты представляют собой сложно структурированные компоненты знаний, коррелирующие, с одной стороны, с вербализованной частью концептуальной системы в сознании человека, а с другой, – через вербализованные концепты, коррелирующие с экстралингвистическим миром. Для описания структуры морфологически передаваемых концептов представляется целесообразным применить модель, предложенную Н.Н. Болдыревым, для грамматически репрезентированных концептов в целом.

Согласно этой модели, структура морфологически передаваемых концептов определяется соотносительностью значения морфологических категорий с определенными когнитивными структурами (областями, когнитивными моделями, простран-

ствами), а точнее – когнитивным основанием. Отношения между когнитивным основанием и грамматическим смыслом могут быть опосредованы или не опосредованы дополнительным понятием. В зависимости от этого морфологически передаваемые концепты по структуре могут быть «двумерными» (в которых отношения между компонентами не опосредованы дополнительным понятием) и «многомерными» (в которых соотношение когнитивного основания и грамматического смысла определяется дополнительным понятием). В роли опосредующего понятия выступают, как правило, общие языковые понятия (например, момент речи, предельность/непредельность и т.д.).

Итак, вслед за Н.Н. Болдыревым<sup>21</sup> в структуре рассматриваемых концептов могут быть выделены следующие компоненты.

Первый компонент представляет собой когнитивное основание, в качестве которого выступает наиболее общее понятие, характеризующее результаты отражения окружающего мира человеком или, иными словами, знание о мире.

Второй компонент включает содержание морфологических категорий и форм, или грамматические смыслы, т.е. собственно языковое знание.

В качестве третьего компонента выступают общие языковые понятия, соотносящие между собой первые два компонента или, другими словами, преломляющие неязыковые знания в языковые. Кроме того, возможно выделение дополнительного компонента, включающего сведения об исторических процессах, обуславливающих формирование и изменение данного грамматического содержания.

Морфологически передаваемые концепты оказываются преимущественно многомерными (время, вид), так как передают сложные и многослойные смыслы, тем самым отражая одно из фундаментальных свойств человеческого мышления и языка – свойство композициональности, т.е. структурной и смысловой сложности. Суще-

ствуют также промежуточные случаи, когда концепт имеет разную структуру в зависимости от того, какими морфологическими категориями и классами слов он репрезентируется. Таким концептом среди морфологически передаваемых оказывается концепт КОЛИЧЕСТВО.

Данный концепт репрезентируется в системе существительного, прилагательного и глагола (ср. выделение таких онтологических видов количества, как предметоколичество, признакоколичество, процессоколичество у З.Я. Тураевой и Я.Г. Биренбаума)<sup>22</sup>.

В системе существительного рассматриваемый концепт отображает количество предмета, в системе прилагательного – количество статического признака, в системе глагола – количество динамичного признака. Разной оказывается и структура самого концепта. В системе имени существительного – он двумерный. В качестве когнитивного основания в нем выступает абстрактное понятие количества, выраженное частным случаем проявления количества – числом, основанном на противопоставлении единичности/множественности.

Второй компонент в структуре концепта представлен конкретными смыслами языковых единиц со значением числа. Среди таких выделяются: конкретная единичность (table, book), конкретная единичность так называемой «спаянной совокупности» (family, advice, gentry, furniture), конкретная единичность «комплекта» или парного предмета (spectacles, trousers, tights, glasses), общность (the lion is the king of the animals), абстрактная единичность (water, idea); разделительная множественность (tables, books), собирательная множественность (team, covey), совокупная множественность (run, avalanch, benthos), репрезентативная множественность (the

Browns), двойственная множественность (his legs = 2 legs), конкретная множественность (более двух) (the dog's legs = 4), неопределенно большое количество массы (waters, sands), многосортность, мера (teas, wines).

Как видно из представленного даже неполного перечня возможных смыслов, передача их в подавляющем большинстве случаев опирается на семантику существительных и тесно с ней связана. Это наводит на мысль о том, что системы грамматических категорий той или иной части речи связаны с семантикой этой части речи и что морфологическая репрезентация концептуального содержания осуществляется в тесном взаимодействии с лексической семантикой классов слов.

Если по способу репрезентации в системе имени существительного концепт КОЛИЧЕСТВО оказывается преимущественно морфологическим, то в системе глагола – лексико-морфологическим, так как количественные значения заложены в семантике глаголов, а категория числа глагола носит чисто формальный согласовательный характер. Однако глагол не имеет специальных форм для передачи этих значений, что приводит к усложнению структуры концепта при репрезентации в системе глагола<sup>23</sup>.

Таким образом, рассмотрение одного из морфологически передаваемых концептов дает основание утверждать, что морфология отражает взаимодействие языковых и неязыковых знаний, определяет взаимодействие семантики, отражающей внешний мир, и синтаксиса, фиксирующего внутренний строй языка, и в этом плане оказывается той самой техникой, которая «фиксирует типичные связи между семантикой и синтаксисом»<sup>24</sup>. Именно их взаимодействие позволяет языку выполнять репрезентативную функцию. Сами морфологические категории при таком рассмотрении представляют собой готовые формы взаимодей-

ствия семантики и синтаксиса, обеспечивающие устойчивые связи между языковыми и неязыковыми знаниями и передающие определенное мыслительное содержание и структуры знания.

Морфологические категории и формы репрезентируют наиболее значимые участки категориальной части концептуальной картины мира, имеющие онтологическое основание и передающие базовые представления о мире: время, количество, лицо, отношение (в терминологии Р. Джекендоффа – «концептуальные части речи»). Причем между морфологическими категориями и концептами, которые они репрезентируют (иными словами, между концептуальным содержанием и языковыми формами), нет однозначного соответствия. В основе категории может лежать один концепт (категория числа), несколько концептов (категории вида, степеней сравнения), что приводит, соответственно, к многообразию смыслов и форм их выражения (разнообразие в английском языке форм передачи различных оттенков значения будущего и модальных значений), а также к наслоению категориальных смыслов (например, временных и аспектуальных) и возникновению сложных грамматических форм (наличие в английском языке системы видо-временных форм).

Как известно, концепт – это единица структурированного знания, обнаруживающая не жесткую, но достаточно сложную неоднородную и многослойную структуру, содержание которой постоянно пополняется за счет новых концептуальных характеристик. Это имеет своим следствием тот факт, что концепт, как правило, репрезентируется средствами разных языковых уровней, при этом на каждом из уровней репрезентируется только часть концептуального содержания. Из сказанного вытекает существенное для разработки теории

морфологической репрезентации положение о том, что, с одной стороны, не существует концептов, которые были бы репрезентированы только морфологически, а с другой – не все концепты репрезентируются морфологически.

В морфологии представлены только те когнитивные структуры, которые имеют значимость для конкретного языка на определенном этапе его развития. В связи с этим уместно привести высказанную Ю.С. Степановым мысль о том, что с семиологической точки зрения морфология национально своеобразна, т.к. конкретные морфологические категории (как то падежа или вида) имеются лишь в определенных языках и на определенном этапе их истории<sup>25</sup>.

В этом плане показательным примером может служить морфологическая система английского языка, в которой в ходе исторического развития некоторые категории (например, род) полностью утратились, а другие значительно сузили сферу своего функционирования (падеж, лицо). Как видно, это произошло с теми категориями, содержательные функции которых могли быть компенсированы другими средствами, в первую очередь синтаксическими и лексическими.

При рассмотрении морфологических категорий с позиции их репрезентационного потенциала они оказываются не застывшими сущностями с жесткой оппозитивной внутренней структурой (как это было принято считать в традиционной грамматике), а динамически развивающимися, внутренне вариативными, передающими широкий спектр смыслов, формирующихся в процессе их функционирования.

В ходе изучения морфологии как способа репрезентации концептуального содержания оказывается необходимым проследить некоторые общие тенденции, выделенные в развитии языковых категорий Е.С. Кубряковой. К таковой она относит: тенденцию к большей обобщенности и абстрактности тех концептов, которые ложатся в основу категорий (ср. также идею Ю.С. Степанова об «укрупнении грамматики»); тенденцию к утере единого основания у категории и дроблению ее «фокусов» или же их переосмыслению; когнитивное усложнение имеющихся категорий в силу введения в них новых концептуальных признаков и параметров<sup>26</sup>.

Действие отмеченных тенденций приводит, в отдельных случаях, к переосмыслению содержания морфологических категорий. Д. Лайонз, например, определял это явление как «вторичная категоризация» и считал, что она проявляется в рамках таких морфологических категорий, как число, вид, падеж и др.<sup>27</sup>

Таким образом, рассмотрение некоторых аспектов морфологической репрезентации концептуального содержания позволяет установить, что суть морфологической репрезентации состоит в кодировании с помощью морфологических показателей основополагающих стабильных элементов смысла, наиболее общих и существенных свойств событий и их компонентов. Это определяет роль морфологических категорий в качестве техники для передачи взаимодействия семантики и синтаксиса в целях выражения целенаправленной информации о событиях внеязыковой действительности.

## Примечания

<sup>1</sup> Langacker R. W. Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin; N.Y., 1990. С. 1.

<sup>2</sup> Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А.М. Сухотина. М., 1998. С. 131.

- <sup>3</sup> Там же. С. 132.
- <sup>4</sup> Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. М., 1967. С. 229.
- <sup>5</sup> См.: *Языкознание в Чехословакии*: Сб. ст. М., 1978.
- <sup>6</sup> См.: *Matthews P.H. Morphology. An introduction to the theory of word.* Cambridge, 1974.
- <sup>7</sup> *Кацнельсон С.Д.* Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001. С. 158.
- <sup>8</sup> *Серебрянников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988. С. 88.
- <sup>9</sup> Там же.
- <sup>10</sup> *Русская грамматика* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. С. 5.
- <sup>11</sup> *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. С. 18.
- <sup>12</sup> Там же. С. 26.
- <sup>13</sup> *Слюсарева Н.А.* Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986. С. 22.
- <sup>14</sup> Там же. С. 24.
- <sup>15</sup> *Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). 2-е изд., стер. М., 2002. С. 296–297.
- <sup>16</sup> *Серебрянников Б.А.* Указ. соч. С. 86–87.
- <sup>17</sup> *Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // *Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология.* 1999. № 1. С. 91–92.
- <sup>18</sup> *Моделирование процессов функциональной категоризации глагола* / Под общ. ред. Н.Н. Болдырева. Тамбов, 2000. С. 16.
- <sup>19</sup> Там же.
- <sup>20</sup> *Болдырев Н.Н.* Концептуальные структуры и языковые значения // *Филология и культура: Материалы II Междунар. конф.* Тамбов, 1999. Ч. III. С. 66.
- <sup>21</sup> Там же.
- <sup>22</sup> См.: *Тураева З.Я., Биренбаум Я.Г.* Еще раз о функционально-семантической категории количества // *Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка*: Сб. науч. тр. Л., 1986. С. 110–121.
- <sup>23</sup> Подробно см.: *Иволгина С.В.* Грамматический концепт глагольного количества в когнитивном освещении // *Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания.* М., 2000. С. 59–61.
- <sup>24</sup> *Болдырев Н.Н.* Функциональная категоризация английского глагола: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995. С. 131.
- <sup>25</sup> *Степанов Ю.С.* Указ. соч. С. 296.
- <sup>26</sup> *Кубрякова Е.С.* О двоякой сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении // *Общие проблемы строения и организации языковых категорий.* М., 1998. С. 11–12.
- <sup>27</sup> См.: *Лайонз Д.* Введение в теоретическую лингвистику. 2-е изд. Благовещенск, 1999.

*Besedina Natalia*

**MORPHOLOGY AS LINGUISTIC REPRESENTATION OF CONCEPTUAL CONTENT**

The notion of morphological representation is introduced in the article. Morphological representation implies linguistic presentation of a categorical part of conceptual content by means of morphological categories and forms and takes place in the form of morphologically represented concepts.

Рецензент – *Воробьева О И*, профессор Поморского университета